

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

О.А. КАЖАНОВ

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РОССИЙСКОЙ ПАРТИОЛОГИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье исследуются малоизученные вопросы предыстории электоральной социологии в нашей стране. Анализируется постановка вопроса о создании специальной отраслевой социологической дисциплины, посвященной анализу поведения избирателя, партиологами дореволюционной России. Рассматривается взгляд марксиста П. Берлина на объект, предмет, метод, основные задачи новой науки. Делается вывод, что начало XX века — время осознания в отечественном и зарубежном обществоведении необходимости создания псефологического направления в политических исследованиях.

Ключевые слова: дореволюционная Россия, партиология, электоральная социология, статистика выборов, избиратель.

В современной истории электоральной социологии начало XX века считается своеобразной точкой отсчета, а в числе основоположников этой науки традиционно называют французского демогеографа А. Зигфрида (1875–1959). Его работа «Политическая картина Западной Франции в период III Республики» (1913) представляет собой классический образец статистического изучения выборов с позиций поиска уникального сочетания природных, экономических, социальных и исторических факторов, обеспечивавших относительную устойчивость электоральных ориентаций и объяснявших характер их эволюции [9, с. 289].

Кажанов Олег Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Смоленского государственного университета.

Адрес: 214020, Смоленск, ул. Ломоносова, 21-а, кв. 27.

Телефон: 8 (908) 282-27-40. **Электронная почта:** kazhanov@bk.ru

Российская электоральная социология как наука, по мнению ряда современных исследователей, насчитывает немногим более двадцати лет. Она возникла на рубеже XX–XXI столетий в условиях развала советского политического режима и введения в стране свободных выборов. Ранее просто не существовало объекта ее исследования. Электоральное поведение россиян, отмечает, например, В. Федоров, появилось как феномен на заре перестройки [11, с. 153]. В советское время реальных демократических выборов в государственные и муниципальные органы власти фактически не существовало, а конституционный период в дореволюционной России начала XX века был столь непродолжительным, что не дал возможности для разработки полноценной теории электорального выбора.

Говоря о дооктябрьском периоде в развитии страны, нельзя не согласиться с тем, что практика лишь четырех думских избирательных кампаний (1906–1912 гг.) в условиях отсутствия у россиян опыта участия в политических выборах явно не благоприятствовала конституированию отечественной псефологии. Однако этот факт не перечеркивает возможности попыток разобраться в механизмах складывавшегося феномена электорального поведения, в специфике мотивации выбора голосующего. Дошедшее до нашего времени публицистическое наследие начала XX века указывает на наличие такого рода попыток¹. Знакомство с электоральной аналитикой свидетельствует не только об устойчивом интересе современников к этой проблеме, но и об оригинальности и глубине проводимых исследований. В них затрагивались разные социальные аспекты выборной проблематики; выводы, содержавшие научные догадки, получили теоретическое осмысление в последующие исторические эпохи.

¹ Например, см.: *Бородин Н.А.* Государственная Дума в цифрах. СПб.: Издание Товарищества «Общественной Пользы», 1906; *Горн В.* Избирательный закон 3 июня и вероятный состав 3-й Думы (политико-статистический этюд) // Современный мир. 1907. № 7–8; *Горн В.* Прогноз и действительный исход третьих выборов // Современный мир. 1907. № 11; *Горн В.* Спасители России (этюды политической статистики) // Современный мир. 1908. № 1; *Ленин В.И.* Итоги выборов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 22. М.: Политиздат, 1968; *Орловский П.* Некоторые итоги первой Думы // Образование. 1906. № 9; *Саликовский А.* Москва на выборах // Русская мысль. 1911. № 3; *Смирнов А.* Как прошли выборы во 2-ю Государственную Думу. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1907; *Череванин Н.* Борьба общественных сил в выборной кампании // Наша Заря. 1912. № 7–8; *Чернышев И.* О всеобщем избирательном праве и его применение в России // Правовое государство и народное голосование. К реформе государственного строя России. СПб.: Изд-во Н. Глаголева, 1906. Вып. 2. и др.

Однако нельзя забывать, что внимание российских политических социологов начала XX века привлекало не только первый опыт формирования народного представительства в стране с авторитарной системой управления. Не меньший интерес вызывала практика демократических политических выборов в странах Запада, длившаяся не одно десятилетие и дававшая разнообразный фактологический материал для осмысления феномена электорального выбора. Результаты исследований, проведенных в этом направлении рядом отечественных ученых, публиковались за рубежом и оказали влияние на развитие электоральной мысли не только в России, но и в других странах.

Достаточно вспомнить М. Острогорского, который наряду с М. Вебером и Р. Михельсом признан одним из основателей политической социологии [7, с. 114]. Его фундаментальный двухтомный труд «Демократия и политические партии», впервые опубликованный на французском языке в Париже в 1898 году и выдержавший неоднократные переиздания, был признан на Западе новаторским и оригинальным научным произведением. Он содержал не только ценный партиологический материал, но и наблюдения за проведением политических избирательных кампаний, поведением избирателей в странах Европы и Соединенных Штатах Америки.

Существует мнение, что лишь работы М. Острогорского, изданные за границей в оригинале на французском и английском языках, стали известны западному научному сообществу [10]. На наш взгляд, оно требует определенной корректировки. Достаточно вспомнить публикации отечественных ученых на страницах журнала «Архив социальной науки и социальной политики», издававшегося в Германии в начале XX века. Это периодическое издание проявляло повышенный интерес к развитию российского общества и его социальных наук, знакомя читателя с работами немецких и русских исследователей по актуальным социально-экономическим и политическим вопросам в рамках заявленной проблематики [5, с. 114]. Среди них — статья Р. Бланка «Социальный состав электората немецкой социал-демократии», посвященная изучению корпуса избирателей одной из крупнейших политических партий в стране и вышедшая с комментариями одного из редакторов журнала — Макса Вебера [13]. Интерес научной общественности на Западе к исследованиям зарубежной электоральной практики, проводимым российскими учеными на рубеже XIX–XX веков, говорил о содержательной глубине эмпирических изысканий и теоретических выводов.

Не менее продуктивны, на наш взгляд, исследования зарубежной электоральной практики, увидевшие свет на страницах российских периодических изданий. Интерес вызывают работы отечественного

политического социолога П. Берлина, посвященные изучению социальной основы партийного движения [1–3].

На рубеже XIX–XX веков в формирующейся партиологии это направление считалось наиболее перспективным. Оно пришло на смену нормативному походу, который пользовался большой популярностью у исследователей XIX века. Ряд его представителей (Ф. Ромер, И. Блюнчли, Г. Абт, Ф. Шталль и др.) рассматривали чувственно-эмоциональный фактор как основу формирования партийных объединений. «Дух партийных группировок, — писал, например, Э. Ваксмут, — коренится в темных и глухих областях человеческих страстей, они и доставляют ему пищу... Страсть к наживе и честолюбие, чувство мести, любви и ненависти, стремление к наслаждению, необузданность и гордость, преступные наклонности, личные симпатия и антипатия служат рычагами и пружинами духовной жизни партий» [16, р. 27].

П. Берлин открыто критиковал традиционный нормативизм, считая, что на основе его оценок трудно концептуально осмысливать сущность партийного движения. «Пока характеристика и классификация политических партий, — указывает он, — будет производиться на основании таких ненадежных критериев, как “темперамент”, “моральность”, “служение истине и справедливости” и т. д., до тех пор никогда не удастся выбиться из круга чисто субъективных построений, порою не лишенных остроумия и меткости, но всегда лишенных объективности и научности» [4, с. 61]. Необходимо признать тесную причинную связь эволюции и организации политических партий с эволюцией и организацией социальной структуры общества. Это позволит рассматривать межпартийную конкуренцию не как борьбу личностей, стремящихся добиться личных целей с помощью политических интриг, а как борьбу безличных социальных сил, желающих политической власти ради социального и политического переустройства.

Субъективизму нормативного подхода П. Берлин противопоставляет марксистскую методологию, ориентированную на выявление объективных основ социальной деятельности людей. В рамках формирующейся политической науки понять принципы организации и выявить основные тенденции развития партийных образований возможно лишь изучая социально-классовые основы их существования. «Исследователи и деятели самых разных убеждений и воззрений, — пишет автор, — начинают теперь сознавать, что борьба политических партий вращается вокруг оси социальных интересов, что, по крайней мере, в новейшую эпоху, эта борьба может быть понята и объяснена только по сведению ее к борьбе различных хозяйственных групп общества» [3, с. 112]. Развитие капитализма все более явно обнажает

связь экономической организации общества с его социально-классовой структурой и с политическими группировками. Однако связь эта не прямая, а опосредованная. «Одна принадлежность к данному классу сама по себе еще не представляет принадлежности к данной политической партии, — считает ученый, — так как вопрос еще в том, насколько развито политическое сознание тех или иных членов класса, насколько они сознают свою принадлежность к особому социальному классу и насколько они сознают обособленность политических интересов своего класса» [3, с. 112].

Таким образом, изучение социального состава политических партий продуктивно в двух направлениях: с одной стороны, оно дает возможность выявить истинную социальную «природу» этих организаций, с другой, позволяет судить, насколько развито политическое сознание различных социальных слоев населения. Социологические характеристики членского состава партийных объединений вряд ли смогут дать полновесные ответы на поставленные вопросы, так как вне рамок исследования остаются широкие слои населения, поддерживающие организацию в борьбе за политическую власть вне официальной принадлежности к ее рядам. В условиях политического представительства, как считает П. Берлин, объективным критерием отличия политической партии от клики или камарильи являются народные избиратели. «Раз вокруг данного политического деятеля группируется массовое движение, раз это знамя выражает собою интересы и убеждения более или менее обширной массы избирателей, то тогда перед нами политическая партия» [4, с. 7].

Интерес политического исследователя к изучению роли избирателя в партийном движении не случаен. Во-первых, в России попытки учета численности партийных рядов, как отмечал М. Дюверже, начались только в 1905–1910 годах [6, с. 143], в то время как в странах Запада развивающаяся электоральная статистика накопила к этому времени фактологический материал, достаточный для первых эмпирических изысканий. Во-вторых, по словам самого П. Берлина, тайна голосования защищает политическую волю избирателя от стороннего давления [1, с. 40], тогда как поведение члена партии более подвержено дисциплинарному контролю. В-третьих, результаты избирательных кампаний отражают динамику социальных связей политической партии и очень удобны для эмпирического анализа. По мнению американского партиолога К. Лоусона, голосование — идеальная форма политического поведения в рамках бихевиористского исследования. «Это — дискретный акт, который совершает индивид в рамках ограниченного набора способов действия (он может голосовать или не голосовать, и если голосует, то делает один выбор из ограниченного числа предлагаемых), и каждый поданный голос засчитывается

кандидату; следовательно, поданные голоса могут быть сосчитаны, а их комбинации позволяют делать значимые выводы» [14, р. 10].

Изучение поведения людей на выборах должно стать важной составной частью не только социологии политических партий, но и всей политической социологии. По крайней мере, так, с нашей точки зрения, можно трактовать следующие слова российского партиолога о значимости подобного рода исследований. «Несколько миллионов человек, — пишет П. Берлин, — несколько миллионов взрослых и сознательных граждан в день всеобщего голосования опускают в избирательные урны записки, по которым опытный и проницательный социолог по кускам и частям может кропотливо воссоздавать общую картину политического мировоззрения данного народа» [3, с. 108].

Анализ результатов партийного голосования позволяет рассмотреть особенности социальной базы различных общественно-политических объединений, а через полученные результаты выйти на понимание сущности всей политической жизни страны. Такой подход должен положить начало формированию новой отрасли обществознания — «социологии всеобщего голосования», как называет ее сам автор [3, с. 108]. Объектом ее исследований должен стать избиратель, а предметом — внутренние устойчивые закономерности его поведения во время избирательных кампаний. За случайностями индивидуального вотирования скрываются устойчивые тенденции проявления феномена электорального выбора в обществе, которые дают о себе знать лишь на протяжении целого ряда избирательных циклов, требуя длительной и кропотливой работы ученого по фиксации и анализу получаемых результатов. «Следя внимательно на продолжении долгих лет, на примере многочисленных всеобщих голосований за движением избирательной статистики, исследуя внимательно вопрос, почему голоса избирателей то бурно приливают к избирательным урнам, а то испуганно от них отливают, движутся зигзагами, отклоняясь то влево, то вправо, но всегда при этом вырисовывая известную “кривую”, социолог может установить на этом основании... надежные и точные социальные законы...» [3, с. 108].

Объективность такого рода изысканиям придают количественные измерения политического поведения людей в периоды выборных кампаний, ограждая обществоведа от субъективизма «нормативистской» аналитики. Становление социологии всеобщего голосования невозможно без применения статистических методов в эмпирических исследованиях электоральной проблематики. Они позволяют социологически обобщить основные характеристики статистики и динамики электорального выбора (например, фиксируя территориально-экономическую специфику партийного голосования или показывая

интенсивность электоральной активности на протяжении определенного временного интервала).

На пути научного исследования поведения избирателя стоит один из принципов демократического избирательного права — тайна голосования. Она устраняет возможность регистрации результатов индивидуального вотирования, точного статистического учета социального состава голосующих за политическую партию. Однако приблизительно выявить основные электоральные ориентации в обществе позволяет использование закона больших чисел. «Вы не сумеете, — пишет П. Берлин, — с помощью этого метода [статистического. — *О.К.*] дешифровать, раскрыть тайну голосования настолько, чтобы установить, за кого, за какую политическую партию подал свой голос Иванов и за какую Петров, но вы установите, за какую политическую партию голосуют те или иные социальные элементы...» [3, с. 109].

Автор предлагает методику статистического анализа феномена электорального выбора. Она включает сопоставление данных избирательной статистики с данными промышленной статистики и социальных переписей населения, что, по его мнению, позволяет добыть материал огромной и еще далеко не оцененной социологической важности [3, с. 109]. П. Берлин далек от идеализации предлагаемого подхода: полученная информация будет лишена абсолютной точности. В тех избирательных округах, где баллотируются антагонистические по идеологическим принципам партийные организации (например крайне правые и крайне левые), а избиратели формируют политические предпочтения строго на основе социально-классовых интересов, исследователь еще может положиться на приблизительную достоверность полученных числовых параметров в осмыслении электоральной базы конкурирующих структур. В случае, когда в борьбе за власть сталкиваются не столь противоположные партийные организации (например центристы и левые), социальный состав их электоральных «ядер» достаточно неоднороден. Часть рабочих голосует за либералов, а часть служащих, лица интеллигентских профессий отдадут предпочтение социал-демократам. Достоверность результатов сравнительной разработки данных переписи населения и данных избирательной статистики при определении политических предпочтений различных социальных групп избирателей резко снижается. Но и эти данные, указывает П. Берлин, несмотря на их приблизительную точность, представляют особую социологическую ценность [1, с. 42].

В работе с электоральной статистикой он исходит из принципов политической географии — одного из популярных в то время направлений в области изучения феномена поведения избирателя. Основной акцент делается на использование территориально-статистического анализа, в рамках которого возможно выявление не только устойчивой

региональной дифференциации характеристик электорального поведения, но и взаимосвязи результатов голосования, социально-экономических характеристик и состава населения отдельных территорий [1, с. 40–41].

В начале XX века применение статистико-социологических методов в изучении поведения избирателей делало лишь первые шаги. Основные проблемы были связаны с недостаточной развитостью статистики (электоральной, профессиональной и т. д.) и эмпирико-социологического анализа в области проблематики выборов. И хотя в тот период работа электорального социолога была чрезвычайно трудной и носила кропотливый характер, делая возможной разработку лишь отдельных вопросов, П. Берлин полагал, что в недалеком будущем эту отрасль обществензнания ждет научный расцвет [3, с. 109].

Не будем подробно останавливаться на том, насколько провидческим оказалось предсказание российского ученого. Напомним лишь тот факт, что современная псефология проходит этап активной институционализации как отраслевая социологическая дисциплина, а социологическое обеспечение избирательных кампаний стало неотъемлемой частью института выборов.

Научный интерес представляют эмпирико-социологические исследования П. Берлина, в которых он попытался показать возможности предложенного метода при изучении конкретных аспектов феномена электорального поведения.

Используя электоральный опыт различных стран, основной акцент автор делал на изучении результатов партийного голосования в немецкий парламент — рейхстаг в конце XIX — начале XX вв. Исследовательский выбор был не случаен, так как в Германии становление электоральной статистики происходило достаточно интенсивно. С 1872 года специальное учреждение "*Kaiserliches Statistisches Amt*" с годовым бюджетом почти в миллион марок, созданное при министерстве внутренних дел, собирало статистические сведения о выборах в рейхстаг [12, с. 493]. Появлялись научные исследования, авторы которых с цифрами в руках пытались разобраться в социальном составе политических партий. В работах немецких ученых Т. Вакера и А. Неймана-Хофера [15; 17], а также в уже упоминавшейся публикации российского партиолога Р. Бланка, содержался, по мнению П. Берлина, богатейший статистический материал и фиксировались первые наблюдения относительно социальной поддержки социал-демократической партии Германии на выборах. Фокус научного внимания не случайно смещался в сторону одной из крупнейших левых политических организаций в стране. «Германская социал-демократия, — считал П. Берлин, — является не только самой могущественной социалистической партией всего мира; по числу своих

избирателей и их дисциплинированности она стоит далеко впереди всех политических партий вообще» [4, с. 231].

Сравнительный анализ результатов голосования в пространственно-временных параметрах позволял не только вскрыть социальную «природу» электоральной поддержки конкретной политической партии, но и осмыслить универсальные механизмы поведения избирателя как политического феномена.

Проводя социологический анализ избирательной статистики с марксистских позиций, П. Берлин исходил из абсолютизации социально-классовых интересов голосующего как мотивационного фактора его электорального выбора. Предложенная методика эмпирического исследования фиксировала несоответствие выдвинутой гипотезы реальному состоянию дел. «Большая доля избирателей всех партий, — отмечал П. Берлин — рекрутируется совершенно случайно, из лиц сплошь и рядом весьма мало интересующихся политической программой данной партии и подающих свои голоса за нее или из симпатии к личности данного кандидата, или же по тем или иным частным и местным мотивам» [2, с. 134].

Отстаивая объективность марксистской критической социологии, исследователь акцентировал внимание на роли политического самосознания избирателя как опосредующего звена в процессе влияния социально-стратовой принадлежности на формирование электоральных предпочтений. «Одна принадлежность к данному социальному классу, — указывает П. Берлин, — сама по себе еще не предопределяет принадлежности к данной политической партии, так как вопрос еще в том, насколько развито политическое сознание тех или иных членов класса, насколько они сознают свою принадлежность к особому социальному классу и насколько они сознают обособленность политических интересов своего класса» [3, с. 112].

На примере крестьянских избирателей Германии П. Берлин демонстрирует влияние различий в хозяйственно-экономическом развитии отдельных аграрных регионов страны на партийные ориентации электората. Изучая результаты голосования за консервативную партию Германии на парламентских выборах 1903 года, он показывает, что ее популярность в крестьянской среде характерна для регионов с низким уровнем промышленного развития (Восточная Пруссия). В районах с более высоким уровнем индустриализации и более многочисленным городским населением политическая картина в деревне усложняется и видоизменяется, и победу в ряде случаев одерживают представители центристских и левых партий. Причем, считает П. Берлин, данная тенденция характерна и для других стран Европы, например Италии, где по преимуществу земельные провинции Эмилия и Романия превратились в оплот социалистической партии.

«По мере того, как промышленный дух и городская культура проникают в деревню, — заключает он, — исчезает старый политический антагонизм между городом и деревней и возникает резкий политический антагонизм между различными социальными элементами самой деревни» [3, с. 123].

Не менее интересные выводы были сделаны при статистико-социологическом анализе электората германской социал-демократии. Используя данные общеимперской переписи населения 1895 года и сравнительный анализ результатов парламентских избирательных кампаний конца XIX – начала XX вв., П. Берлин выделил в электоральном ядре пролетарской партии значительный слой мелкобуржуазных избирателей. Их подавляющее большинство голосовало за социал-демократию не как за носительницу и политическую представительницу социалистических идеалов, а как за партию, отстаивающую демократические реформы, вполне уместные в рамках капиталистического буржуазного строя. Изучая электоральную поддержку непролетарских элементов, активно интегрировавшихся и в ряды самой партии, он высказывает серьезные опасения относительно того, что вовлечение чуждых социальных элементов в социал-демократическое движение способно исказить его строго классовый характер. Иными словами, интеграция в электоральную борьбу и парламентскую деятельность такого рода организации неизбежно ставит ее перед вопросом: оставаться верной ортодоксальному марксизму с идеей мировой пролетарской революции, при этом сознательно сужая электоральную базу и обрекая себя на поражение, или переходить на позиции реформизма, делая ставку на расширение электоральной поддержки за счет пересмотра принципиальных политических направлений деятельности. От выборов к выборам для немецкой социал-демократической партии, заключает исследователь, эта дилемма становилась все более неустрашимой [1, с. 61].

Творчество П. Берлина свидетельствует о том, что, несмотря на неразвитость статистики выборов как отрасли социальной статистики, российское обществоведение, исследуя опыт участия зарубежных политических партий в избирательных кампаниях, делало первые шаги в ее социологическом освоении. Формировались базовые представления об отдельных аспектах феномена электорального выбора; среди них: фиксация сложности, противоречивости, неоднозначности данного явления; выявление двусторонней связи объективных и субъективных факторов формирования партийных предпочтений; определение противоречия между социально-групповой идентификацией политической партии и стремлением к обретению максимальной электоральной поддержки на выборах и т. д.

В целом, труды российских партиологов рубежа XIX–XX веков заставляют усомниться в объективности точки зрения, согласно которой отечественные ученые начали изучать псефологическую проблематику в советские времена на материалах стран Запада [8, с. 144]. Более того, высказанная П. Берлиным в начале XX века идея создания новой отрасли социологического знания — социологии всеобщего голосования — говорит о том, что потребность в изучении феномена поведения избирателя была осознана зарубежными и российскими политическими исследователями примерно в одно и то же время. Появлению работ А. Зигфрида, признанного родоначальника электоральной географии, предшествовали публикации П. Берлина, Р. Бланка и других отечественных ученых, работавших в том же направлении и внесших определенный вклад в разработку теории электорального выбора. Дальнейшее углубленное изучение дошедшего до нас отечественного научного наследия дореволюционного периода по проблематике выборов позволит понять значимость этого вклада.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берлин П.* О социальном составе немецкой социал-демократии // Образование. 1906. № 1.
2. *Берлин П.* О политических партиях и партийной дисциплине // Образование. 1906. № 7.
3. *Берлин П.* Роль деревни и города в политической жизни // Образование. 1907. № 1.
4. *Берлин П.* Политические партии на Западе: их доктрины, организации, деятельность. СПб.: Дело, 1907.
5. *Гергилов Р.* Российская социология в Германии (конец XIX – начало XX вв.) // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 114–119.
6. *Дюверже М.* Политические партии / Пер. с франц. М.: Академический Проект, 2002.
7. *Медушевский А.Н.* М.Я. Острогорский и политическая социология в XX веке // Социологические исследования. 1992. № 8. С. 113–124.
8. *Подвинцев О.Б.* Псефология как наука о выборах // Политические исследования. 2005. № 5. С. 142–145.
9. Политическая социология: Учебник для вузов / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
10. *Спасский Н.В.* Политические партии Запады и их исследование в западной политологической традиции [электронный ресурс]. Дата обращения 09.11.2012. URL: <<http://www.politex.info/contet/view/412/30>>.
11. *Федоров В.* Введение в теорию электорального поведения. М.: Праксис, 2010.

12. Энциклопедический словарь. Т. XXXIa. Статистика — Судостроительство. СПб., 1901.
13. *Blank R.* Die soziale Zusammensetzung der sozialdemokratischen Wählerschaft Deutschlands // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen: Mohr, 1905. Bd. 20.2. S. 507–553.
14. *Lawson K.* The comparative study of political parties. New York: St. Martins Press, 1976.
15. *Neumann-Hofer Ad.* Die Entwicklung der Sozialdemokratie bei den Wahlen zum Deutschen Reichstage, 1871–1903. Berlin: C. Skopnik, 1903.
16. *Wachsmuth W.* Geschichte der politischen Parteien alter und neuer Zeit. Bd. I. Geschichte der politischen Parteien des Alterthums. Braunschweig: C.A. Schwetschke und Sohn, 1853.
17. *Wacker Th.* Entwicklung der Sozialdemokratie in den zehn ersten Reichstagswahlen (1871–1898). Freiburg: Herder, 1903.